

Предисловие

Сначала биографическая справка. Автор родился девятикратно между 1896 и 1935 годами. Он исхитрился учиться в прославленной Первой одесской гимназии и несмотря на это ходить в «малышовую группу» октябрятского детсадика в Донецке, щеголять в обольстительной форме суворовца, участвовать в Гражданской, финской, Отечественной войнах, носить то майорские, то солдатские погоны, то печальный «белый билет» с пометкой «негоден, не обучен». Автор написал в общей сложности, наверное, полсотни книг, причем первая его книга впервые вышла отчасти в 1923-м, отчасти в 1963 году. Автор отчасти холост, в чем есть свои преимущества, отчасти же женат, детей и даже, так сказать, внучатен, что тоже недурно.

Короче говоря, как вы и сами догадались, читатель, автор многолик, потому что роман, предлагаемый вашему вниманию, сочинили в компании девять писателей, среди которых есть признанные классики, и классики спорные, и классики непри-

знанные. Во всяком случае, все они — писатели известные и, по убеждению нашей редакции, хорошие.

Итак, перед вами коллективный роман. Легко вообще заметить, что для нашего века характерно стремление к коллегиальности. Если в прежнюю эпоху, отмеченную печатью индивидуализма, ощущалось стремление все сосредоточить в одних руках (напр., Н. А. Некрасов был сам же и редактором, и издателем своих произведений, а Одетту и Одилию в «Лебедином озере» всегда танцевало одно лицо), то теперь наоборот.

И сегодняшняя Шахерзада, с которой вам предстоит познакомиться, есть уже не частное лицо, а коллектив. Так сказать, *Коллегиальная Шахерзада На Общественных Началах*, или, для краткости, *КШНОН*. Так мы впредь и будем именовать автора. Плетение всей этой увлекательной истории в наш реактивный век, естественно, не потребовало тысячи и одной ночи. Наша «1001 ночь» была создана в более сжатый срок и вообще днем.

КШНОН родилась внезапно (такие случаи уже имели место в мировой истории, а еще чаще в мифологии). Несколько писателей, толкавшихся по своим литературным делам в большом эlegantном зале, занимаемом «Неделей», вдруг сошлись вместе и решили написать роман. Коллективный. Чтоб одну главу писал один, во всю мощь своей творческой индивидуальности, а другую писал другой, и тоже, как говорится, на всю катушку. И

тут сразу возникла некоторая неловкость. Все соглашались писать первую главу, и никого не радовала перспектива оказаться поближе к заключительной. Некоторое знакомство с музами других Шахерезадов (по некоей постыдной случайности среди авторов не оказалось ни одной женщины!) обещало такой крутой замес, такой наворот событий, интриг и сложностей, что никому не улыбалась перспектива все это распутывать. Вот накручивать — это пожалуйста.

Наконец было решено, уже за чашкой чая, что все решит честный жребий. В шляпу одного из членов-учредителей *КШНО*а были брошены записочки с цифрами. Их было столько же, сколько соискателей. И каждый извлек из этой шляпы (мы готовы самоотверженно передать ее в Гослитмузей для истории) свой номер. Счастливым первым оказался маститый Валентин Петрович Катаев, которому и здесь, по традиции, повезло. Но, впрочем, пайщикам новорожденного дела этот жребий тоже показался счастливым. Потому что Валентину Катаеву уже случалось сочинить первую строчку одного коллективного романа. Строчка была такая: «В уездном городе Н.», а роман назывался «12 стульев». Так что если он был Ильфу и Петрову крестным, то нам тем более.

Об остальных авторах, как про космонавтов до старта, мы пока будем говорить без имен: космонавт X, космонавт Y, космонавт Z. Но хотим только предупредить заранее, что хлеб их был исключительно тяжел. Каждый с трудом выпутывался из

разных ситуаций, навороченных предшественником, и еще от себя мстительно накручивал всякие конфликты и нюансы. Так что, следя за перипетиями романа, за мучительными головоломными исканиями героев, поставьте себя на минутку на место авторов, пайщиков *КШНО*на, которым приходилось из всего этого выпутываться. Потому что сразу же было объявлено железным законом: принимать все предыдущие главы как жестокую и неотвратимую данность и ничего решительно в них не менять.

Чтоб не расстраивать вас зря, сразу скажем, что *КШНО* из всех этих сложностей выкарабкался с честью. (Не правда ли, редкое словосочетание?) И роман помимо своих сюжетных свойств оказался еще и некоей книгой, в которой собраны образцы писательских почерков, на диво не схожих. И то, что они несхожи, и то, что они собраны вместе, кажется «Неделе» добрым и радостным явлением. Именно поэтому она решила приурочить публикацию своей Коллегиальной Шахерезады к прекрасному весеннему празднику Первомаю.

А теперь первое слово Валентину Петровичу Катаеву, столь известному автору романов, пьес, кинофильмов и даже оперного сюжета одной оперы. Чтобы не нарушить шахерезадовских традиций, наш уважаемый патриарх должен сделать грациозное движение, сказать: «С любовью и охотой», и затем начать дозволенные речи.

Илья Зверев

СМЕЕТСЯ ТОТ, КТО СМЕЕТСЯ

КОЛЛЕКТИВНЫЙ РОМАН

Валентин Катаев

Глава первая

Теперь, когда вся эта странная и на первый взгляд необъяснимая история, которая чуть не окончилась для меня так трагически, вполне разъяснилась и отошла в прошлое, мне хочется восстановить в памяти все ее подробности и описать ее именно так, как она представлялась мне в то время.

Суть же той истории, или, лучше сказать, происшествия, заключалась в том, что однажды, вернувшись после работы домой, я обнаружил...

Впрочем, нет. Лучше я опишу все подробно, не торопясь. Это было в четверг, накануне Первомайских праздников, которые в этом году составили три выходных дня подряд — пятница, суббота и воскресенье.

Итак, был четверг, укороченный день, однако я задержался минут на сорок на работе,

чтобы в тишине еще раз полистать свой проект, над которым я работал последние полгода. После этого я вышел из института и, прежде чем возвратиться домой, отправился по дороге в громадный новый универсальный магазин — гордость нашего района, выстроенный из стекла и пластмассы в ультрасовременном стиле.

Я ходил в середине этого прозрачного клетчатого куба, освещенного внутри трубочками дневного света и, кроме того, пронизанного насквозь розовыми лучами солнца, заходившего за городом, за голубыми силуэтами химического комбината с его причудливыми башнями, цилиндрами, шарами, суставчатыми трубами, из которых валил синий дым, как бы подкрашенный свинцовыми белилами. Вместе с кварталами нового района с разноцветными балконами, с белыми, женственно-прогнутыми светильниками пересекающихся магистралей и проспектов, со светофорами, в маленьких пагодках которых как бы перепрыгивали зеленые, желтые и красные шарики, — все это создавало впечатление чего-то очень нового, праздничного, счастливого. Всею душой, всем своим существом я ощущал наступление праздника — не только данного праздника Первого мая, но и какого-то другого, громадного, всемирного праздника, торжества новой

эры. Может быть, я выражаюсь слишком красиво, но именно так, этими самыми словами я тогда подумал, любуясь из громадных окон верхнего этажа тем миром, который расстился передо мной до самого горизонта, где громадное весеннее солнце плавно опускалось в прелестно-сиреневую майскую тучу.

Поездив на эскалаторе по этажам среди манекенов с черными головами, я купил для своей дочки Аллочки набор детской кухонной посуды, для себя — в мужском отделении — темно-серый гладкий галстук, для жены — очень миленькую кофточку, тоже темно-серого цвета с гладкими светло-серыми пуговичками. Мы любили серые тона и не выносили ничего яркого, кричащего.

Затем я вспомнил, что, кажется, жена просила меня купить бутылку оливкового масла, но точно не помнил и решил позвонить ей по автомату.

Она была дома и уже привела из садика дочку. Она сказала мне, что масла покупать уже нет смысла. Теперь мне кажется, что голос у нее при этом был немного взволнованный, но тогда я не обратил на это внимания.

Веселый и спокойный, с душой, переполненной какой-то удивительно ясной, прочной радостью, я прошелся пешком по нашему чудесному проспекту, переполненному пред-

праздничной толпой, сделав по крайней мере километра два, совершенно не чувствуя усталости, и наконец поднялся в лифте к себе на пятый этаж. Ключ лежал в кармане, но я редко им пользовался. Я любил звонить и слышать за дверью торопливые шаги жены, обычно кричавшей еще издали:

— Сейчас, сейчас. У меня мокрые руки.

Так я позвонил и в тот день. Но в квартире было тихо. Я подождал и еще раз позвонил. Снова тишина. Это меня удивило. Я еще раз позвонил, некоторое время подождал, а потом открыл дверь своим ключом. То, что я увидел, настолько меня поразило, что я некоторое время стоял неподвижно, не понимая, что же это такое со мной происходит. Квартира была совершенно пуста: ни стульев, ни столов, ни кроватей, ни шкафа, ни кухонной утвари, ни табуретов — одним словом, абсолютно ничего, как будто бы здесь никогда никто не жил. Хотя бы какая-нибудь бумажка валялась на полу!

Я несколько раз обошел обе комнаты нашей двухкомнатной квартиры, коридорчик, ванную, заглянул в уборную, в кухню, в чулан: решительно ничего! Пустота. Между тем стены были те же, уже слегка потертые спинами, а в комнате, где стояла кровать дочки, на белой двери были детские карандашные каракули, или, как я их называл, «каляки».